

Гуманитарные исследования. 2022. № 3 (83). С. 84–89.

Humanitarian Researches. 2022;3(83):84–89.

Научная статья

УДК 81'42

doi: 10.54398/18184936_2022_3_84

Пространственный код культуры в повести В. Н. Крупина «Живая вода»

Майя Юрьевна Покручина

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия, pokru4ina@list.ru

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию пространственного кода культуры русской деревни в повести «Живая вода»: особенностям его репрезентации, способности к формированию и моделированию ценностно-смысловых вариаций, репрезентированных в языке. Пространственный код культуры понимается нами как система номинаций, обозначающих кластеры пространства, обусловленных его характеристиками и свойствами, демонстрирующих оценочность и аксиологичность восприятия пространственных параметров субъектом художественного текста. В повести В. Н. Крупина пространственный код семантически связан с духовным кодом, выявляет духовные смыслы и отражает ценности.

Ключевые слова: лингвокультурный код, пространственный код, ценностно-смысловые вариации, пространственная модель мира, ценностные доминанты

Для цитирования: Покручина М. Ю. Пространственный код культуры в повести В. Н. Крупина «Живая вода» // Гуманитарные исследования. 2022. № 3 (83). С. 84–89. http://dx.doi.org/10.54398/18184936_2022_3_84.

Original article

Spatial code of culture in V. N. Krupin's novella "Living Water"

Mayya Yu. Pokruchina

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia, pokru4ina@list.ru

Abstract. This article is devoted to the study of the spatial code of the culture of the Russian village in the story "Living Water": the features of its representation, value-semantic variations, its ability to form and model the value-semantic picture of the world, represented in the language. The spatial code of culture is understood as a system of nominations denoting the division of space, its properties, characteristics, as well as the relationship of a person to spatial parameters. In the story of V. N. Grain spatial codes semantically connected with the spiritual code, expresses spiritual meanings, reflects values.

Keywords: linguocultural code, spatial code, value-semantic variations, spatial model of the world, value dominants

For citation: Pokruchina M. Yu. Spatial code of culture in V. N. Krupin's novella "Living Water". *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2022;3(83):84–89. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.54398/18184936_2022_3_84.

Одно из основных свойств языка как явления антропоцентризма – стремление к систематизации, опредмечиванию чувственного восприятия, а затем его интерпретации. Таким образом, язык выступает в качестве посредника между миром окружающей реальности, а также миром мыслей и идей. Преломляясь в культуре, язык материализует культурный код, который Н. Ф. Алефиренко понимает как «систему означивания, то есть сформированную стереотипами этнокультурного сознания конфигуративную совокупность знаков и механизмов их применения...» [1, с. 61–62]. Как указывает Е. В. Пучкова, естественный язык – это главный код культуры, над которым располагается ряд других кодов культуры, представляющих собой неотъемлемые элементы коммуникации [8, с. 28–29]. Таким образом, лингвокультурный код – это код культуры, «запечатленный в языке» [6, с. 308]. Однако ввиду широты данного понятия некоторые учёные, такие как Н. С. Болотнова, В. В. Красных, А. С. Самигуллина, называют базовые коды культуры, которые реализуются в языке и представляют лингвокультурный код. Отметим, что, по мнению В. В. Красных, следует выделять

© Покручина М. Ю., 2022

«соматический (телесный), пространственный, временной, предметный, биоморфный и духовный коды» [4, с. 6]. Н. С. Болотнова исследует систему кодов текста и выделяет предметный, коммуникативный, сюжетно-композиционный, эмотивный, образный, эстетический и языковой коды [2, с. 181–182]. Внимательно изучив предложенные системы кодов, мы пришли к выводу, что, несмотря на разность классификаций, код культуры, репрезентирующий язык на основе комбинаторики вышеуказанных кодов, одинаков, следовательно, при анализе лингвокультурного кода исследование будет иметь равнозначный результат.

В данной статье, будучи ограниченными рамками объёма материала, мы считаем целесообразным остановиться на рассмотрении пространственного кода культуры и его репрезентации в повести В. Н. Крупина «Живая вода». Пространственный код культуры обычно понимается как система номинаций, обозначающих «членение пространства, его свойства, характеристики, а также отношение человека к пространственным параметрам» [3, с. 16]. Кодирование осуществляется за счёт семантических оппозиций (*земля-небо, свой-чужой*), непосредственно лексем, обозначающих пространственное понятие, но несущих глубокий культурный смысл (*изба, баня, огород, лес, подпол*), фразеологических единиц (*рукой подать, ходить взад-вперёд*), сравнительных конструкций.

Полагаем, что, говоря о пространственной модели мира В. Н. Крупина, стоит определить следующие направления: а) внутренний мир человека, б) личное пространство; в) внешний мир, осознаваемый человеком как родной; г) внешний мир, воспринимаемый человеком как чужой; д) мир человека и мир небесный.

Отметим, что книга «Живая вода» посвящена жизни русской деревни 1970-х годов, таким образом говорить мы будем о пространственном коде культуры русской деревни данного временного периода. Главным героем повести является Кирпиков Александр Иванович, Сашка, как чаще его зовут односельчане, сторож, считающий себя конюхом, владеющий единственной на всю деревню лошастью, меринном лесобазы. Именно сквозь призму его восприятия раскрывается пространственная модель мира русской деревни в произведении.

Внутренний мир человека, как правило, раскрывается через его мысли и чувства. Однако пространственные образы, воспроизводимые памятью, также имеют немалое значение. Обратимся к тексту В. Н. Крупина: «*А мне когда плохо, – отвлекла его Варвара, – я всегда сенокос вспоминаю... На сенокосе он всегда шел впереди, рассекая поляну надвое, за ним Варвара, а дальше, все суживая прокосья, косили дети... Кирпиков наточил литовку и хотел начинать новый ряд, на свал. «Вот неналомный, – сдержала Варвара, – дай хоть отдохнуть-то. – Оглянулась и вдруг шёпотом: – Отец!» Он тоже оглянулся – дети догоняли их. Третьим рядом шёл Николай, размашисто, по-мужицки укладывая траву; за ним Тоня, берущая нешироко, но чисто; дальше Борис, закусивший губу, нервничающий, чтоб не отстать; последним тюкался Михаил, прокосье вёл неровно, маленькая литовка прыгала, все кочки были его. Всех сзади мелькало платьице младшенькой. Варвара не стерпела, побежала помочь. Но никто не уступил ей свой ряд» [5, с. 40]. Пространственный код неразрывно связан с временным кодом, временные отношения в контексте накладываются на пространственные, и происходит окультуривание пространства, которое приобретает особый духовный смысл.*

В качестве личного пространства человека выступает *изба, дом*. В книге «Когнитивная лингвистика» В. А. Маслова указывает: «В русском языковом сознании существует несколько значений и смыслов слова дом: приоритетным является представление о родном доме (кров, очаг, изба, хата). Это центростремительный перекрёсток всех жизненных путей человека, сходящихся у родного очага. Родной дом – это первая вселенная человека, объединяющая его воспоминания, мысли, мечты и тем самым организующая «связь времён». Дом – это ещё и убежище, последняя опора в жизни» [6, с. 235]. Дом Кирпикова – обычная старая деревенская изба с русской печью и полатами, подпольем, выступающим в качестве погреба, божницей с иконами. Таким образом изображает автор пространство, типичное для русской деревни.

В доме хранится тетрадка с жизнеописанием Кирпикова и рассказом о «втором рождении», учебники и книги его детей, которые он читает. Дом для героя также становится убежищем, он спускается вниз в подпол «умирать», выполняя обещание, записанное в своей тетради:

– Не обессудь, – сказал он Варваре, – уйду.

– Куда? – испугалась она.

Он показал вниз. <...>

– Это же смешно, – сказал Кирпиков. – Раз я решил... Отойди! Меня нет. Я записал, что умер. В тетради.

Варвара открыла подполье и спустилась первая.

– Как в могиле, – комментировал муж, появляясь следом.

С одной стороны, репрезентируется сакральный смысл: спуск вниз – в могилу, однако контекстуально реализуется следующее смысловое значение: подполье для Кирпикова становится местом отдыха, где можно подумать, куда никто не придёт и не будет его беспокоить: *«Он имеет право на отдых? Имеет. Заслужил. Пенсия так и называется: заслуженный отдых. Отдыхаю. Избрал вечный покой. На курорт денег нет; отдыхаю тут»*.

Изменением в пространстве избы Кирпикова становится удаление им иконы из красного угла, на место иконы в божнице старик ставит фотографию внучки – художественная деталь характеризует отношение Кирпикова к вере.

Таким образом, пространственный код репрезентирует особенности культуры того времени: послевоенную Россию, и разное отношение людей того времени к вере. Для Кирпикова вера не является чем-то важным: *«Нет, товарищи, плохо мне – пусть будет плохо, а хорошо – пусть будет хорошо, не перед кем унижаться, сам достиг. Я сам себе бог. И новую жизнь начал тоже без него. Он за меня не пьёт? Он бросил курить?»* [5, с. 22].

Жена его, Варвара, относится к вере иначе: вера в Бога для неё становится душевной опорой и поддержкой в тяжёлые времена, поэтому она переживает: *«Ну раз уж ты уцепилась, верь, – опять начинал Кирпиков. – Если тебе больше не за что держаться», «Из-за тебя ведь только и молилась» – тихо упрекая, сказала Варвара»* [5, с. 22].

Пространство дома может быть местом, где проводятся праздники, собираются друзья-приятели: *«Вера первой узнала о торжестве у Кирпиковых и первой разнесла эту новость по домам. Зовут тех, говорила она, махая рукой, у кого Кирпиков пахал одворицы»* [5, с. 41]. После завершения пахоты Кирпиков с женой приглашают всех, кому он пахал, в свой дом, чтобы устроить праздник.

Границей между личным пространством, пространством дома и внешним миром родной деревни является крыльцо. Следует отметить, что данная лексема регулярно (16 повторов) повторяется на протяжении текста повести и объективирует фрагмент пространства. Крыльцо выступает в качестве границы между двумя пространствами: так в повести приходящие к Кирпикову люди ждут его на крыльце; соседские хозяйки, которым он вспахал огород, выносят ему на крыльцо угощение; выходя после «заточения» из подполья, герой некоторое время стоит на крыльце; с крыльца невестка зовёт сына Кирпикова в дом; отправляясь после болезни к мерину, Кирпиков замирает и зажимается на крыльце.

Кроме того, именно с крыльца автор показывает мир русской деревни: *«Варвара проснулась и отнесла воспоминание на жару. Вышла на крыльцо – горизонт по-прежнему был блеклым, в полном безветрии воздух толкся на одном месте. Деревья, трава, забор казались засыпанными пеплом. Апокалиптическое солнце дожигало сквозь синюю полумглу сухую землю»* [5, с. 54]. Таким в данном контексте показано состояние деревни летом во время засухи.

Следующая часть пространственной модели мира русской деревни в повести «Живая вода» – внешний мир, осознаваемый человеком как родной. В данном случае следует говорить непосредственно о пространстве русской деревни и его базовых объектах, воплощенных в тексте повести. Это такие объекты, как *пахота, пивная, баня*. Пространство пахоты репрезентирует концепт «Труд». Обратимся к тексту В. Н. Крупина: *«Интересно, чем же привлек Кирпиков общее внимание? Разгадка заключалась во времени года: наступала весна. Уже высунулись из снежных варежек ладошки пригорков, уже хозяева поглядывали на огороды. Огороды были у всех – лошадь только у Кирпикова. <...> Весной в дни посадки картофеля и осенью в дни уборки Кирпиков становился желанным для всех. Его наперебой угощали, лучше сказать – поили авансом, и что важнее для него – выслушивали. Он переставал быть Сашкой, вспоминалось его полное имя»* [5, с. 55]. Труд, несущий людям добро и пользу, делает Кирпикова уважаемым, его приходу радуются, даже называть начинают не как раньше, Сашка, а по имени и отчеству. Труд в мире деревни являлся одним из основных занятий во все времена, этот концепт воплощён во множестве пословиц и поговорок, в сказках и народной мудрости. К тому же труд пахаря требовал ещё и умения, не каждый мог качественно и профессионально вспахать поле или огород, не каждого слушалась лошадь: *«Деляров замучился. Обратиться к мерину как следует он не умел. Попробовал ругнуться, но вышло так жиденько, что мерин едва шевельнул ушами, а Деляров перестал думать о пользе физического труда, и уже был готов заплатить энную сумму за пахоту, и уже не рад был, что связался с огородом, как пришло спасение»*. Слово былинный пахарь, Микула Селянинович (именно эта ассоциация возникает у читателей при декодировании текста), Кирпиков степенно, прилагая все свои силы, мастерски делает своё дело: *«Лемех*

продирался песком до блеска и пронзительно вспыхивал на заворотах, когда Кирпиков представлял плуг в новую борозду. <...> следил, чтобы пласт от пласта был на расстоянии ладтя». Пространство пахоты в тексте повести актуализирует и репрезентирует связь отца и сына: Когда в гости в Кирпикову приехал сын Николай с невесткой, тот захотел помочь отцу в нелёгком деле: «Приятно было смотреть на сына. Он шёл за плугом прямо, не сгибался, а это признак умелого пахаря. Не давил на ручки, не дёргал вожжи, доверялся коню. Пласт выворачивался ровно, ни одной перерезанной картошки не забелело» (В. Н. Крупин, «Живая вода»). Видя, как сын продолжает дело отца, герой радуется, испытывает особую духовную связь с ним, близость родной души. Хотя Николай (сын) уже давно живёт в городе, он с детства был приучен родителями к труду и не растерял способности трудиться на совесть. Таким образом, пространственный код на примере пахоты эксплицируется во взаимодействии с кодом духовным.

Если пространства пахоты репрезентирует концепт «Труд», то пивная как объект деревенского пространства обладает совершенно иным значением. Рассуждая над вопросом, почему пьют мужики, автор предлагает следующие варианты: «скоротать время», «запил с горя», «кинулись спасать», «в одиночку много, а всем как раз». Пьянство – это беда русской деревни того времени, об этом не раз говорится в тексте повести: «Ведь пьянство, друзья мои, от ненайденного призвания», «Боже мой, полжизни ты мне убавил своей пьянкой. Был человек, стал Сашка. Ведь света белого не видишь из-за водки проклятушей!».

Таким образом, на основе анализа пространства русской деревни 70-х годов в повести В. Н. Крупина «Живая вода» можно сделать вывод, что ценностно-смысловая картина русской деревни представляет собой достаточно грустный мир: это мир тяжёлого труда и удручающего неистребимого пьянства, где непьющего человека не понимают и не принимают.

Границей между родным и чужим внешним миром становятся лес и поезд. Лес представляет такое пространство, в котором есть не только истинная красота (когда герои отправляются за реку в лес и любуются природой), но и чужой мир, несущий угрозу деревне (горящие торфяники за рекой, пожар). Пространственный же образ поездов репрезентирован аудиально (герои слышат, как гремят поезда, давно привыкли к этому звуку), поезда окружают деревню с нескольких сторон («временным ожерельем обхватывая горло посёлка, летели поезда» (В. Н. Крупин, «Живая вода»). Поезда соединяют родной и чужой миры: жители деревни ездят в город к родным и по делам, из города приезжают дети, родственники, знакомые и даже незнакомцы. Однако город – это уже совсем иное пространство, жители которого представляются обитателями деревни как чужие: чужой считают Кирпиковы свою невестку; показывая её чуждость миру деревни, автор даже не даёт героине имени.

Особое место в повести В. Н. Крупина занимает антиномия «мир земной и мир небесный», эксплицированная в сказке, которую рассказывает Кирпиков. Это сказ о том, как он попал на небо и просил у Бога живой воды. Фантастическая история, тем не менее, ярко показывает, как, по мнению человека, выглядит небесное пространство: «Взяли меня мужики за руки, за ноги, раскачали и на небо забросили. Только рубаху в штаны заправил, апостолы: «Кто такой? Куда?...» Так и так, к самому. А там у них так налажено, все так сверкает, что стыдно в рвань-то. Да босиком. Один говорит: «Может, не пускать?» Другой все же за то, чтоб пустить, – много ли, мол, сопляк знает и все ж таки связь с народом. Пустить! Не успел моргнуть, как переодели, обули, представили... «Выдать! Все?» Все не все, а уж сзади в спину тычут – кланяйся. Герою воспроизводится наивное крестьянское представление о владениях бога, архетипическая ситуация из народной легенды «Солдат и смерть». Таким образом, пространственный код, выраженный с помощью антиномии «мир земной и мир небесный» в данном произведении свидетельствует о том, что для деревни 1970-х годов Бог был неким судьей, высшей силой, которая может как наделить благом, так и наказать. Прецедентные феномены в тексте повести «объективируют когнитивные структуры, проецирующие базовые пласты смыслового содержания» и «представляют интертекстуальный когнитивно-культурный код, который, являясь носителем культурной памяти, информационно-этнокультурным модулем в языковом сознании автора, проецируется на текст» [7, с. 17].

Таким образом, пространственный код культуры русской деревни 1970-х годов в тексте повести В. Н. Крупина «Живая вода» репрезентируется с помощью ценностно-смыслового моделирования, на основе сочетаемости прямого смысла лексем и имплицитно возникающей вторичной номинации, в результате чего пространство деревни становится культурным

феноменом, репрезентированным в языке и тексте. Специфика репрезентации пространственного кода в данном произведении заключается в том, что в качестве базовой единицы пространственного лингвокультурного кода выступает лексема в разнообразных смысловых вариациях, отсутствуют языковые метафоры, сравнительные конструкции и фразеологические единицы.

Пространство деревни включает несколько миров, имеющих между собой ценностно-смысловые связи, но в то же время чётко разделённых границами контекста. Архетипическая оппозиция «свой – чужой» репрезентируется на основе противопоставления пространства деревни лесу и городу. В повести «Живая вода» пространственный код семантически связан с кодом духовным, отображает духовные смыслы и ценности русской деревни.

Список источников

1. Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. Москва : Academia, 2002. 392 с.
2. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. Москва : Флинта : Наука, 2009. 384 с.
3. Захаренко И. В. Архетипическая оппозиция «свой – чужой» в пространственном коде культуры // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / Ред. кол. М. Л. Ковшова, В. В. Красных, А. И. Изотов, И. В. Зыкова. Москва : МАКС Пресс, 2013. Вып. 46. С. 15–31.
4. Красных В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / Ред. кол. М. Л. Ковшова, В. В. Красных, А. И. Изотов, И. В. Зыкова. Москва : МАКС Пресс, 2001. Вып. 19. С. 5–19.
5. Крупин В. Н. Живая вода. Школьная библиотека (Детская литература). Москва : Детская литература, 2011.
6. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие. 2 издание. Минск : «Тетрасистемс», 2005. 255 с.
7. Озерова Е. Г. Дискурсивное пространство русского лирикопрозаического текста: Дис...докт. филол. наук. Белгород, 2012. 403 с.
8. Пучкова Е. В. Культурный код «дерево» в научном дискурсе // Амурский научный вестник. 2019. № 2. С. 58–62.

References

1. Alefirenko N. F. Pojeticheskaja jenergija slova. Sinergetika jazyka, soznaniya i kul'tury. Moscow: Academia. 2002:392.
2. Bolotnova N. S. Kommunikativnaja stilistika teksta: slovar'-tezaurus. Moscow: Flinta: Nauka. 2009:384.
3. Zaharenko I. V. Arhetipicheskaja oppozicija «svoj – chuzhoj» v prostranstvennom kode kul'tury. Jazyk, soznanie, kommunikacija: sb. statej. Red. kol. M. L. Kovshova, V. V. Krasnyh, A. I. Izotov, I. V. Zykova. Moscow: MAKS Press. 2013;(46):15–31.
4. Krasnyh V. V. Kody i jetalony kul'tury (priglasenie k razgovoru). Jazyk, soznanie, kommunikacija: sb. statej. Red. kol. M. L. Kovshova, V. V. Krasnyh, A. I. Izotov, I.V. Zykova. Moscow: MAKS Press. 2001;(19):5–19.
5. Krupin V. N. Zhivaja voda. Shkol'naja biblioteka (Detskaja literatura). Moscow: Detskaja literature. 2011.
6. Maslova V. A. Kognitivnaja lingvistika: uchebnoe posobie. 2nd ed. Minsk: «Tetrasistems». 2005:255.
7. Ozerova E. G. Diskursivnoe prostranstvo russkogo lirikoprozaicheskogo teksta. Belgorod. 2012:403.
8. Puchkova E. V. Kul'turnyj kod «derevo» v nauchnom diskurse. Amurskij nauchnyj vestnik. 2019;(2):58–62.

Информация об авторе

М. Ю. Покручина – аспирант.

Information about the author

M. Yu. Pokruchina – postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 04.06.2022; одобрена после рецензирования 11.07.2022; принята к публикации 16.07.2022.

The article was submitted 04.06.2022; approved after reviewing 11.07.2022; accepted for publication 16.07.2022.